

От земли до рая

Автор:

Юлия Резник

От земли до рая

Юлия Резник

«От земли до рая» – роман Юлии Резник, жанр современный любовный роман, эротический роман.

Ян Гейман казался мне небожителем. Ведь кто я? Так, дочь экономки. А он... Мне казалось, он – все. Выше, больше... ничего нет. И никого. Существовал лишь один шанс заинтересовать такого мужчину – самой подняться высоко-высоко. Эта история – мой путь. Мой тернистый путь от земли до рая.

Книга содержит нецензурную брань.

Юлия Резник

От земли до рая

Глава 1

Он шел, и, кажется, все вокруг него замирало. Даже лопасти вертолета, все еще вращающиеся над головами, будто замедлялись, наполняя пространство протяжным «вжуу-ух, вжу-у-ух, вжу-у-ух». Этот звук со скрежетом прокатывался по моим натянутым нервам. Я сглотнула. Перевела взгляд на собственные пальцы. Ослепленная. То ли яркими, искрящимися на бирюзовой поверхности

океана лучами уходящего солнца, то ли им... Как всегда, им.

– Ну, все, наше дело – труба, – тяжело вздохнула Соня. Вместо того чтобы испугаться или как-то напрячься, что вроде как само собой разумелось в сложившейся ситуации, подруга лениво потянулась в шезлонге и скрестила в щиколотках загоревшие дочерна ноги. – Льюис, – перешла на английский, – нам бы еще по коктейльчику, дорогуша.

Если бы бедняга Льюис стоял поближе, она бы еще и по заднице его шлепнула, чтобы позлить отца. О харассменте Сонька не знала... Хоть и жила в Америке последние четыре года.

– Давай я принесу! – вскочил на ноги Дэвид. Парень, который и оказался причиной всех наших неприятностей.

Соня скосила на него ничего не выражающий взгляд и резко бросила:

– Сиди уж!

Как псу. Ей богу. Но с милой улыбкой на идеальном, скульптурно вылепленном лице. Талантом командовать Соня пошла в отца... Красотой – в мать. Ян Гейман... он не был красавцем. Да ему это было и не нужно. Он другим брал. А однажды взяв – никогда от себя не отпускал. Меня так точно. Для меня он с детства был каким-то... чудом, что ли? Чудом, которого мне иногда позволено было коснуться.

Я пожевала губу, убеждая себя смотреть прямо. В конце концов, я в очках, и он... он не увидит, как я на него пялюсь. Ян Львович был уже совсем рядом. Как всегда, застёгнутый на все пуговицы. Едва ли не на голову выше своих охранников. И ничем не уступающий им в комплекции. Помню, как девчонкой я наблюдала за их тренировками в спортзале. Обычно это происходило вечером. Скорее даже ночью, когда Гейман возвращался домой после долгого-долгого рабочего дня. И я, заслышав шум машин его кортежа, сбегала из своей комнаты под чердаком, чтобы, усевшись на самом верху лестницы, понаблюдать за его тренировкой в узкой щели между двумя перекладинами перил. Тогда я не задумывалась, откуда у него брались силы. За всем успевать, все держать на контроле, спать по три – четыре часа, существуя в каком-то ином совершенно мне непонятном темпе.

Он остановился, чтобы снять обувь. Ах да... Яхтенный этикет. Негоже было топтать палубу такой красавицы грязными подошвами пусть и сшитых на заказ по индивидуальным лекалам туфель. Разулся. И, преодолев разделяющие нас метры, резко опустился на свободный шезлонг, с которого Дэвид слетел, едва Гейман повел черной бровью.

– Ян Львович, ну, как на выставке же! – тут же загудел охранник, оглядываясь по сторонам.

– Что со мной случится посреди гребаных Карибов?

– Много чего может...

Но Гейман лишь рукой взмахнул. Он всегда был головной болью охраны. Взять хотя бы этот его приезд. Или прилет, точнее. Наверняка ведь он не значился в его графике передвижений, который утверждался на самом высоком уровне вперед сразу на несколько месяцев.

– Привет, пап.

Я закусила щеку и незаметным, как мне казалось, движением потянула на себя полотенце. Может, у Сони и не было проблем с тем, чтобы расхаживать в купальнике перед кучей мужиков, а вот я была не настолько раскрепощенной.

– Привет, пап? – вздернул бровь Ян Львович. И ничего он такого не сказал. Вроде бы. А я все равно поежилась, и мурашки побежали вниз по голым ногам. – Это все, что ты мне можешь сказать, София?

– Ну, а что тут скажешь? Ошибочка вышла. С кем не бывает.

Ну, вот зачем она нарывалась? Провокаторша! И ладно бы у них отношения не складывались, но ведь это было не так. Сонька отца обожала. А он ее. У них вообще были удивительно теплые отношения, несмотря на всю его занятость и ее заскоки, которые случались с регулярной периодичностью.

– Здравствуйте, Ян Львович, – затараторила я, зная, что если сейчас не вмешаться, взбучки будет не миновать.

Гейман провел пятерней по голове и скопил на меня взгляд янтарных глаз. На его широком запястье блеснул циферблат часов.

– Здравствуй, Лилия.

Я уже не удивлялась, как раньше, тому, что он помнит мое имя. Хотя, признаться, долгое время это мне казалось чем-то невероятным, ведь я... ну, что я? Так, дочь экономки. А он... Он – все. Мне казалось, он – все. Выше, больше... ничего нет. И никого.

– Вы подняли на ноги береговую охрану. Два катера и вертолет искали вашего... – презрительный взгляд Геймана скользнул к бедолаге Дэвиду и обратно, остановившись на Соньке, которая как раз, улыбаясь, забирала бокал из рук Льюиса, – вашего друга. А потом оказалось, что его и близко не было на борту.

– А что, было бы лучше, если бы он таки был и сгинул в морской пучине?

– Не утрируй!

– А ты не нагнетай.

Ой-йой. Я тихонько выдохнула, чувствуя, как немеют плечи и затылок сковывает в предвкушении необратимого взрыва. Впрочем, Сонька и сама поняла, что зашла слишком далеко, потому как вмиг убрала коготки, подплыла к отцу и ласковой кошкой свернулась у него под боком.

– Ну, ты же сам хотел, чтобы мы повеселились, пап. И яхту эту сам предложил.

– Ах, так это я виноват?

– Да никто не виноват. Мы просто немного перебрали в баре. Ну, и Дэвид там... в общем, там и остался. А уже потом мы поняли, что его нет. Когда на яхту вернулись. Ну и в голову, конечно, самое плохое полезло.

Это точно! Меня тогда перетрясло просто жутко. До сих пор страшно вспоминать.

- Мисс? - привлек мое внимание голос Льюиса. - Не желаете коктейль?

- Воды, если можно.

Я протянула руку за бутылкой, полотенце спало. Не то чтобы мне было что скрывать. И от кого. Тот, чье мнение меня волновало, все уже видел. Господи, зачем я об этом вспомнила?

- Ну, что... - жалостливо поинтересовалась Сонька, давя сразу на все болевые точки Геймана, - ты меня теперь весь вечер будешь ругать?

- А что, прикажешь по голове погладить?

- Погладь! - заявила эта лиса и уложила темную головку на колени отца. А он усмехнулся, все про нее понимая, и принялся перебирать, накручивать на длинные пальцы Сонькины локоны.

Знаете, я никогда ей не завидовала. Ни ее игрушкам, ни ее красоте, ни даже тому, что у нее есть вот такой отец, в то время как я своего не знала. Но в тот миг что-то кольнуло внутри. Я почувствовала себя лишней. Привстала. Огляделась, и оказалось, что всех немногочисленных наших друзей, которые еще оставались на яхте Геймана, будто корова языком слизала. Одна я осталась. Нарушая идиллию воссоединения отца и дочери после долгой разлуки. Ну, и охрана, конечно.

Стараясь не смотреть на Яна Львовича, я нащупала свое парео.

- Эй, ты куда?

- Пойду к себе. Мне нужно почту проверить.

- Да брось! Ты смотри, какой закат! Когда ты еще такой увидишь? - возмутилась Сонька.

Очевидно, не скоро. Послезавтра мы вернемся на родину, а там уж будет не до закатов. Беззаботная студенческая жизнь останется в прошлом. А когда исчезнет необходимость оплачивать мою учебу в Стэнфорде, оборвется и последняя связывающая нас с Гейманами нить. Так хоть редкие счета напоминали ему обо мне. По крайней мере, мне нравилось думать, что иногда, глядя на них, Ян Львович вспоминал меня. Хотя, конечно, эти мысли были глупостью чистой воды. Гейман никогда не стал бы заниматься лично такими мелочами.

Теперь же меня ожидала совсем другая жизнь. Жизнь, в которой больше не будет яхт, Карибов, охраны и личных водителей. Все это мне перепадало с барского стола лишь потому, что мы с Сонькой, считай, как сестры были. Вместе росли, вместе шалили, вместе взрослели и так далее. Но я никогда не забывала, кто она, а кто я. И это хорошо. Это уберегло меня от ненужных метаний и боли. Я четко понимала, что мы живем в двух разных мирах. Параллельных, не пересекающихся измерениях. Судьба и так была ко мне благосклонна. Немногим доводилось хоть краем глаза увидеть такую жизнь. А я имела возможность разглядеть ее во всех деталях. Вы хотя бы представляете, как это жутко интересно наблюдать, иногда даже общаться с людьми масштаба Геймана? Это – школа, которую не купить ни за какие деньги. Школа, которая мне дала, может быть, даже больше, чем Стэнфорд.

Но был в этом всем и один жирный минус. Я перестала воспринимать всерьез мужчин мельче. Ян Львович, наверняка сам того не желая, просто не оставил им шанса. Сколько раз я пыталась, поддаваясь уговорам Соньки, завести отношения? И сколько раз разочаровывалась – такими пресными и... никакими казались мне мои ухажеры.

– Ты останешься? – нарушил ход моих мыслей Сонькин звенящий голос. – Оставайся, а? Хоть на денек. Завтра сойдем в Новом Орлеане.

– А туда зачем? – лениво приоткрыл один глаз Гейман.

– Зачем-зачем! Ты как будто не знаешь! Лильке приспичило послушать джаз.

– Негритянское пение? – обнажил идеально белые зубы Ян Львович. И у меня дыхание замерло. То ли от улыбки этой голливудской. То ли от понимания того, что он... Он! помнит тот давнишний разговор со мной. Сколько мне было, когда

он состоялся? Семь? Восемь? Я выдавила улыбку. Он изогнул бровь. Будто подталкивая меня к тем словам, что я послушно произнесла дальше:

– А что, бывает другое?

Его словам. Которые он сказал мне, когда застучал меня, маленькую, роющуюся в его компакт-дисках. И точно так же, как тогда, мне снова стало неловко. Потому что это он оплачивал мой каприз поехать в Новый Орлеан послушать джаз. Тут уж я и при желании не могла бы соврать, что это меня Сонька вслед за собой потащила.

– Ну, так что? Ты останешься? Давай, па! Лето заканчивается, а ты ни дня еще не отдыхал. Потусишь с нами, потом забудемся на какой-нибудь конц[1 - Конц – концерт (сленг).], и на самолет. Привет, родина!

Гейман молчал, что-то там прикидывая в уме, работающем получше многих даже самых мощных компьютеров. Не знаю, правда это или нет, но Сонька как-то рассказывала, будто он специально тренировал мозг, занимаясь по какой-то секретной методике, позволяющей расширить возможности сознания. Звучало это, конечно, довольно странно, если не сказать – смешно. Да только, глядя на Яна Львовича, верилось и не в такое.

– Ладно. Твоя взяла. Пойду, переоденусь. Моя каюта, надеюсь, свободна?

– Эм... Ну, мы там с Лилькой обитали, но по такому случаю, вестимо, освободим барские хоромы, – Сонька вскочила и дурашливо поклонилась. – Льюис, дорогуша, поручи кому-нибудь перенести наши с Лилей вещи в белую каюту.

Гейман улыбнулся и поднялся вслед за дочерью. Тут же подтянулась охрана. Он кивнул каким-то своим мыслям и, широко шагая, направился к лестнице, ведущей вниз. Но на полпути остановился. Подошел к лежаку, взял что-то, похожее на пузырек с кремом от загара, вернулся и бросил его прямо в меня. Я успела перехватить тюбик буквально в последний момент – настолько неожиданным был его выпад...

– Намажься, – велел он.

Я растерянно обвела себя взглядом, покосилась на разгорающийся все сильнее закат на горизонте и, медленно сглотив, прошептала:

- Солнце уже село.

- Твоей коже даже лунный свет противопоказан, – улыбнулся Ян Львович. Вот только улыбка не коснулась его глаз. – Так что... намажься, да.

- И правда, Лиль! Смотри, вон, опять вся красная... – затараторила Соня, подходя поближе ко мне и забирая тюбик с кремом из моих рук. А я и слышала ее, и не слышала, провожая напряжённым взглядом широкую спину Геймана. – Ну-ка, повернись!

- Зачем?

- Намажу тебя, горе луковое. Прав папа, ты ж похуже вампира!

- Ну, спасибо, – посчитала нужным обидеться я.

- А что, я не права, скажешь? Даже на них так не действует солнечный свет, клянусь.

- И много ты знаешь вампиров? – Ян Львович, наконец, скрылся из моего вида, и я перевела взгляд на подругу.

- Ни одного! Но ты под подозрением... – захохотала Сонька. Подыгрывая подруге, я навалилась на нее сверху и угрожающе клацнула зубами прямо у нее перед носом. Она завизжала и принялась от меня отбиваться. Парни из охраны синхронно закатили глаза. А солнце, упавшее за горизонт, разукрасило небо и воду всеми оттенками охры...

Глава 2

- Что там за шум? – выглянула я из ванной.

– А, – отмахнулась Сонька, – папа спорит с охраной по поводу наших планов. – Я сказала ему, что мы собираемся на Бурбон-стрит, и началось!

– Ну, зачем, Сонь? Я же просто погулять хотела. Без вот этого всего! Послушать уличных музыкантов, заглянуть в какую-нибудь галерею. Наверняка Яну Львовичу совсем не до этого, а теперь он вроде как должен.

Сонька скривилась:

– Ты можешь представить, чтобы папа дела то, чего не хочет?

Я занервничала. Повела плечами, соглашаясь с тем, что такое сложно представить, и подошла к зеркалу. М-да... Красный, обгоревший до корочек нос явно не добавлял мне шарма. Я выдавила на пальцы крем и принялась втирать его в кожу:

– Все равно. Как-то неловко.

– Это еще почему?

– Не знаю. Может, он хотел провести время только с тобой, ты об этом не думала?

– Об этом – нет. В последнее время я задаюсь совершенно другими вопросами.

– Это какими же? – заинтересовалась я, собрала волосы на макушке и повертела головой из стороны в сторону, прикидывая, как бы их уложить. Жарко было так, что умереть. И влажно, как всегда в Луизиане... Надеяться, что при такой влажности мои волосы останутся прямыми больше, чем на пять минут, не приходилось.

– Почему ты его избегаешь?

На секунду я замерла. Облизала губы и уронила руки вдоль тела, оставив в покое волосы.

– Кого?

- Не делай вид, будто не понимаешь!

Грациозной черной кошкой Сонька опустилась на кровать. Подперла кулачком щеку и уставилась на меня с легким прищуром. А у меня холодок по спине прошелся. Я совершенно не была готова к её допросу.

- Не понимаю, - соврала я.

- Ты избегаешь отца.

- С чего бы мне это делать?

- Понятия не имею. Но факт налицо.

- Не выдумывай. Я просто не хочу вам мешать. И только.

- Он тебя чем-то обидел? - допытывалась Сонька. - Я чего-то не знаю?

- С ума сошла?! - искренне возмутилась я. - Придумываешь тоже! Никто меня не обижал... Просто сама подумай, я ему кто?

Если мой вопрос и поставил Соньку в тупик, она не подала вида. Упрямо свела соболиные брови и со значением выдала:

- Ты - это ты.

- О, это, конечно же, все меняет! - фыркнула я.

- Мне не нравится, как ты себя принижаешь!

Прекрасно понимая, что Сонька теперь ни за что от меня не отстанет, я решила все для нее прояснить, чтобы уже раз и навсегда закрыть эту тему.

- Сонь! - сказала я, устроившись рядом с ней на кровати. - Я не принижаю себя. Нисколько. Но это все... - я взмахнула рукой, - твой мир. Не мой. И это твоя

жизнь – не моя. Я не хочу брать на себя больше, чем смогу унести. Это ты понимаешь?

– Нет! Ты сейчас о деньгах? Так у тебя скоро не меньше будет! Осталось только папе пичнуть[2 - Пичнуть – провести презентацию.] твой стартап[3 - Стартап – это тип бизнеса, направленный на получение дохода путем реализации принципиально новой идеи.], и...

– Соня! Мы ведь сто раз обсуждали это!

– Ну, обсуждали, – промямлила та, – и что?

– Только не говори, что ты проболталась! Я же просила! Ты ведь знаешь, как это для меня важно. – мой голос зазвенел от слез. Телом прокатилась волна мерзкой противной дрожи и замерла на кончиках пальцев.

– Эй! Эй! Ты чего? – изумилась Сонька, – ничего я ему не рассказывала, хотя ты прекрасно знаешь, что я не понимаю этого твоего загона... – она не договорила, обхватила мои руки чуть повыше локтей ладонями. Тряхнула меня легонько, заглянула в глаза: – Да что с тобой такое?! – спросила тихо и очень серьезно.

Как объяснить девочке, которой никогда ничего и никому не приходилось доказывать то, как важно для меня... доказать. Что он не зря дал мне проклятые деньги на учебу. И что я... ну, ладно, если даже не ему под стать, то тоже чего-то стою? Что-то могу. Без помощи. Без протекции. Без связей.

– Я не хочу никаких привилегий.

– Это глупость!

– Почему же? Думаешь, наш проект не сможет привлечь его внимание?

– Я не понимаю, зачем все так усложнять! Протаскивать это через отдел инноваций и кучу идиотов, которым наверняка не хватит мозгов оценить то, что ты предлагаешь? Зачем? Ты хоть понимаешь, сколько им шлют предложений?! Да это затянется на месяцы, и неизвестно, в принципе, дойдет ли до отца. Все можно сделать гораздо проще! Привет, папа, у нас есть технология, которая

сэкономит твоему бизнесу миллионы... К тому же мы просто не можем ждать! Нужно выходить на рынок, пока нас не опередил кто-то другой.

Я это все понимала! Понимала.

- Дай мне месяц. Если через месяц у меня ничего не выйдет, я позволю тебе все устроить.

Сонька не успела ответить, потому что в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошли. И как-то сразу в просторной шикарной каюте стало тесно. В детстве я была уверена, что Ян Львович – настоящий великан. Таким огромным он мне казался.

- Вы еще не готовы? У нас столик на семь заказан.

- Думаю, щедрые чаевые скрасят негативные впечатления от нашего опоздания, – заявила Соня, вскакивая с кровати.

- Правда? Ну, а главная зачинщица этой авантюры чего молчит?

Гейман слегка повернул голову и бесстрастно на меня уставился.

- Наверное, потому что впервые слышу о ресторане, – ответила я, с укором покосившись на подругу.

- Вот как? Похоже, я испортил все твои планы?

- Да не было никакого плана, Ян Львович, – запротестовала, стараясь держаться максимально естественно. Дышать, например. Ага.

- То есть, как это не было?! – изумилась Соня. – Мы хотели перекусить в какой-нибудь забегаловке на Роял-стрит, послушать музыку и проехаться на старинном трамвайчике. Только теперь, похоже, и впрямь все накрылось.

- Это еще почему?

– Потому что у нас образовался очень своеобразный помешанный на безопасности кавалер, – закатила глаза Сонька.

Гейман провел по короткостриженной макушке ладонью в таком знакомом и забытом одновременно с этим жесте, что меня до костей пробрало. Накрыло воспоминаниями. Я будто вновь почувствовала под руками мягкость его волос, колкость щетины на шее. Весь тот ураган непонятных, сбивающих с толку своей остротой чувств, который однажды обрушился на меня всей своей мощью. Я зажмурилась, опасаясь, что он по глазам прочтет, о чем я думаю. Судорожно сглотнула. Ничего не слыша. Не понимая, почему Сонька радостно скачет.

– Ты слышишь?! Лилька! Ау-у-у! Папа дал добро! Ресторан отменяется! Мы идем гулять! Просто гулять, слышишь?

Я проямлила что-то невнятное. Вымученно улыбнулась, с трудом заставив себя посмотреть на Геймана. Ян Львович все так же стоял, подпирая спиной стену. И смотрел прямо на меня.

И тут я вдруг подумала, а что он видит? Да-да, что он видит? Маленькую девочку – дочь своей экономки? Неуклюжую подружку своей дочки? Или... девушку, которую он по нелепой случайности сделал женщиной?

А знаете, что самое смешное в этом всем? Ни до, ни долгое время после того, как это случилось, я не понимала, что толкнуло меня в его объятия. И не догадывалась, что то восхищение, которое я к нему испытывала, тот неприкрытый щенячий детский восторг и желание понравиться, в какой-то неуловимый момент переросли в чувство глубокой сокрушительной силы любви. Я так долго этого не осознавала. Понимание пришло позже. Гораздо позже. Впрочем, это было и к лучшему. Ну, что я, та... могла ему дать? Чем удержать интерес такого сложного и невероятно умного мужчины? Если это не удавалось сделать гораздо более успешным и состоявшимся женщинам. Чем?!

– Ну, что ты молчишь?!

– Извини, я обдумываю кое-какую идею. – я обшарила взглядом кабину, схватила ноутбук. – Сейчас только запишу, и сразу едем!

– Ты ненормальная, знаешь? – захохотала Сонька.

Может быть. Но я просто не могла, когда он так близко, что нависает. Дышать им... и не вспоминать. Не могла.

Он – мог. В этом я не сомневалась.

– Даю вам десять минут! – обозначил расклад Ян Львович.

– Что ж... тогда пойду, потороплю Дэвида.

Когда мы, наконец, собрались, у трапа нас уже поджидала машина. Шикарный представительского класса Кадиллак. Мы забрались внутрь, Дэвид, очевидно побаивающийся Геймана, вызвался сесть вперед. Мы с Сонькой и Яном Львовичем устроились сзади. Я думала, с этим не будет проблем. В конце концов, салон авто на первый взгляд казался просто огромным. Чего я не учла, так это того, что и Гейман – мужик немаленький. Сидеть так близко к нему было еще мучительнее, чем стоять рядом в каюте. Я честно старалась его не касаться, но все равно задевала то голой ногой, то рукой во время маневров.

– Что-то не так?

– Нет. Все в порядке. Не терпится уже выйти. – соврала я.

– Джек, становись где-нибудь здесь. – окликнул Гейман водителя, переходя на английский.

– Нет-нет, зачем? Что я, не дотерплю?! – с жаром возмутилась я, а Гейман в ответ посмотрел на меня так... снисходительно, что ли. И вышел первым, не дожидаясь, пока охранники сориентируются. Наша прогулка вообще выглядела довольно странно. Мы – истинные туристы, и мимикрирующая под «иже с ними» охрана.

Мы прошли по красивым улочкам, залипая то тут, то там. Ни о чем толком не разговаривая, просто наслаждаясь моментом. Сонька с Дэвидом плелись впереди. Останавливались. Целовались, когда думали, что Гейман не видит. А тот все замечал. И недовольно поджимал губы. И я, наверное, тоже поджимала, чтобы не рассмеяться. Это было моим проклятьем. То, что я неосознанно, сама того не желая, перенимала его мимику и жесты. Сонька всегда хохотала над

этой моей особенностью. А Ян Львович... даже интересно, замечал ли он? Наверное. Он вообще многое замечал.

Я чуть скосила взгляд. На его едва заметно покачивающиеся при ходьбе руки. Как это? Взять его за руку, переплести пальцы, чтобы почувствовать кончиками каждую выступающую вену на тыльной поверхности кисти? Чтобы ощутить подушечками шероховатость костяшек... Я закусил губу и отвернулась. А когда вновь посмотрела на Геймана, он смотрел на меня.

- Ноги болят, - опять соврала. - Может быть, где-то присядем послушать музыку?

- Почему нет? Мы же здесь для этого... вроде.

Я улыбнулась. Окликнула Соньку и качнула головой в сторону одного из рестораников, на эстраде которого пела огромная негритянка в шикарном обтягивающем, сплошь расшитом блестками платье. Хорошо пела. Я даже зажмурилась. О том, что джаз - это исключительно живое пение, и никакая оцифрованная запись и близко с ним не сравнится, я узнала тоже от Геймана. Таких моментов, моментов, когда он обращал на меня внимание, в моем детстве было не так уж и много. Но я помню каждый. Каждый...

В скором времени к нам подоспел официант. Мы сделали заказ. И я снова сосредоточила взгляд на сцене.

- Не знал, что тебе нравится джаз, - перекрикивая голос негритянки, прокричал Дэвид.

- Шутишь? Да я сейчас бы оба уха обменяла на бокальчик розе. Это всё эти двое.

Я открыла глаза, чтобы что-то ответить Соньке. Но запнулась, увязнув в янтарной смоле его глаз. Гейман сидел, вольготно откинувшись в кресле. Тяжелые веки почти закрывали его глаза, отчего взгляд казался еще более проникновенным.

- Отпустим их, чтобы не мучились? - вскинул черную бровь.

– Что, правда?! Папочка, ты просто супер!

Я пролепетала что-то невнятное про трамвайчик и другие наши с Сонькой планы, отчего-то страшась остаться с Гейманом наедине, но меня уже никто не слушал.

– Возвращайтесь сюда через час. Игорь все проконтролирует, – скомандовал дочке Ян Львович, одновременно с этим отдавая взглядом приказ одному из охранников сопровождать парочку. Они ушли как-то неожиданно быстро. Как раз принесли бокалы, я вцепилась в один из них, ужасно нервничая, чтобы чем-то занять руки. Отпила... закашлялась, потому что коктейль оказался необычайно крепкий. Вытерла остатки рома с губ, вспомнив, чем дело закончилось, когда мы в последний раз пили с Гейманом, подняла взгляд и поняла, что он тоже этого не забыл.

Глава 3

За ней было любопытно наблюдать. Даже, может быть, больше, чем за негритяжкой на сцене. Особенно, когда Лиля ненадолго забывала о моем присутствии и расслаблялась. Это очень бросалось в глаза. Когда она забывала. По выражению лица, по вмиг меняющейся пластике, которая вдруг приобретала какую-то неуловимую эфемерную сексуальность. Легкие движения плеч в такт музыке. Покачивания головой... И то, как она замирала, закусив губу, когда начиналась особенно сложная импровизация. Эта девочка пропускала джаз не только через уши, но и через тело. Как я её когда-то учил.

Будто почувствовав мой взгляд, Лиля встрепенулась и вновь настороженно на меня уставилась:

– Еще коктейль?

– Нет. Нет, спасибо, Ян Львович. Мне уже хватит.

– А я, пожалуй, повторю.

Сделав знак официанту, я попытался сосредоточиться на музыке, но почему-то в этот раз даже великолепный соул не смог пробиться сквозь стрекот мыслей в моей голове.

Я не помню, когда впервые по-настоящему увидел Лильку. Хотя знал, что у моей экономки есть дочь, и даже много раз видел ее то сидящей на лестнице, ведущей на чердак, то играющей с Сонькой. Видел... и тут же об этом забывал. Настолько это было неважно на фоне тех глобальных вопросов, что мне приходилось решать. Мой мозг был под завязку загружен, и в принципе не фиксировал внимание на событиях, не имеющих отношения к семье или делу. Случившись, они моментально отходили на второй план и тут же забывались за ненадобностью. Существовало не так уж много людей, которых я замечал на самом деле. Прислуга и её дети в этом списке не числились. Не потому, что я какой-то плохой. Просто на том уровне, где я находился, это было неизбежно. Я физически не мог думать еще и об этом. Даже самый мощный компьютер не выдержал бы такого потока информации, что мне доводилось анализировать каждый божий день в силу тех позиций, что я занимал в сфере большого бизнеса. И тут нужно было очень тщательно фильтровать эту самую информацию. Ведь на самом деле напряжение, в котором я жил, было колоссальным. Расслабить меня могли лишь секс, спорт и... музыка.

Врываясь в мои воспоминания, в кармане зазвонил телефон. Я поморщился, но все же вынул трубку. Покосился на дисплей и, бросив Лиле короткое:

– Извини. Важный звонок, – встал из-за стола.

Звонил один из моих китайских партнеров. Нам всего-то и надо было перекинуться парой фраз, но языковой барьер... что б его. Мой китайский был просто ужасным, а китайский, искаженный прерывающейся связью – ужасный вдвойне. А Жонг только им и владел. Я чертыхнулся. Сунул руку в карман и хотел уж было перевести звонок в офис, когда за моей спиной раздался неуверенный голос:

– Ян Львович...

– Да?

– Я могла бы выступить в качестве переводчика.

Она говорила тихо. И смотрела прямо на меня, такая напряженная, что казалось, ткни пальцем, и разлетится на части, как драгоценная китайская статуэтка. С чего вдруг такая реакция? Опять себе напридумывала то, чего нет и близко?

– Жонг, подожди... Я сейчас передам трубку своей помощнице.

В этой жизни меня мало что могло удивить так, как это сделала Лиля, заговорив на чистейшем китайском. Это было моей самой большой проблемой. Когда ты можешь позволить себе все, вот вообще все, что угодно: любые удовольствия, любой каприз из тех, что можно купить за деньги, в какой-то момент просто не остается того, чего бы ты еще не пробовал; мест, в которых бы ты еще не бывал; эмоций, которых бы ты еще не испытывал. И от этого складывалось гадкое ощущение, что я напрочь разучился ловить кайф от жизни.

– Господин Жонг говорит о том, что вы были правы, когда прогнозировали восстановление спроса...

Я кивнул. Что-то прокомментировал. Хотя сам уже утратил к этому разговору всякий интерес.

– Значит, китайский. – прокомментировал я, когда Лиля вернула мне трубку. Та пожала плечами, будто в этом ничего такого не было, да, а потом, завидев в толпе Соньку с Дэвидом, взмахнул вытянутой над головой рукой, чтобы привлечь их внимание. От этого движения ее маленькие острые груди отчетливо обозначились под легкой тканью летнего сарафана, направляя мои мысли совсем уж не туда.

– Ну что, вам еще не надоела музыка? – усмехнулась Сонька, пробравшись к нам.

– Боюсь, я вообще не дал Лиле ей насладиться.

Мой взгляд остановился на загребущей ручище парня, лежащей на талии дочери. Нет, умом я понимал, что она уже давно выросла, но вряд ли был готов к этому по-настоящему.

– О! Опять телефон?! А я говорила – оставляй его дома! И кому ты понадобился на этот раз?

- Китайцам. - отрапортовал, возвращаясь за стол. - Между прочим, вы с Лилей могли и сказать, что она на нем, как на своем родном строчит.

Сонька захохотала:

- Сюрприз-сюрприз! Правда, здорово? Теперь она сможет с тобой попрактиковаться, когда мы вернемся домой. Да, Лиль? - ткнула подругу в бок.

- Эм... Да, наверное.

- Нет, ну, а что? Например, за завтраком.

- Кхм. - замялась Лиля. - Боюсь, за завтраком как раз и не получится.

- Это еще почему? - изумилась Сонька. - Это я - сова, а ты - жаворонок, как папа. Вот и беседуйте на китайском, когда меня нет! Правда, Дэвид? - перешла на английский, как если бы он до этого хоть что-нибудь понял из нашего разговора. Впрочем, плевать мне было на этого молокососа, гораздо интереснее наблюдать за странной реакцией Лили. И вообще за ней. Она очень изменилась за то время, что мы не виделись. И не только внешне.

- Потому что я планирую вернуться домой.

- Разве я не об этом же говорю? - удивленно вскинула брови Сонька.

- К себе домой, - уточнила Лиля, прячась за бокалом. Куда она клонит, лично я понял сразу. А вот Сонька как-то не по-детски тупила.

- Что значит - к себе? - переспросила она, недоуменно нахмурившись.

- То и значит.

- В ту конуру на Лесном? Ты спятила?!

- София! - одернул я дочь.

– А что я такого сказала?! Ты... ты вообще, когда там в последний раз была? Вдруг там уже и нет той квартиры! Может, в ней вообще какие-то бомжи поселились, а?!

– Как поселились – так и выселятся, – философски отнеслась к потенциальной проблеме Лиля.

– Да что ты несешь?! Пап! Скажи ей!

Что я мог сказать? У Лили действительно была своя, доставшаяся ей по наследству квартира. И хоть большую часть Лилькиной жизни они с матерью провели в моем доме, теперь для неё, наверное, было бы лучше пожить отдельно. Тем более что Соня зря волновалась. Никакие бомжи в квартире ее обожаемой подружки не жили. Потому что я поручил ее сдать сразу после того, как эти двое перебрались в Америку.

– Сонь, прекрати. Мне не пять лет, и все решения относительно моей дальнейшей жизни я могу и буду принимать самостоятельно!

Соня принялась что-то возмущенно доказывать, ничего не понимающий Дэвид притих, а я закусил изнутри щеку, чтобы не улыбнуться и не обидеть тем самым Лилю. Не пять лет ей, видите ли. Выросла. А я почему-то вновь вернулся на годы назад, когда ей было... ну, может, не пять. Чуть больше.

Это было время, когда я всерьез подумывал жениться во второй раз, и принялся ухаживать за дочкой какой-то важной шишки, лица которой теперь и не вспомнил бы, даже если бы очень захотел. Ну, как ухаживать? Времени на это все у меня особенно не было. Да и энтузиазма. Так что ухаживания ограничивались редкими походами в ресторан или на какой-нибудь светский раут. И, конечно, дорогостоящими подарками. А в тот день дернул меня черт пригласить будущую невесту на джазовый концерт. И это была ошибка. Ей совершенно не понравилось. А мне не понравилась ее реакция. Сам я обожал джаз и, наверное, очень хотел обнаружить между нами хоть что-то общее. Но не срослось. Я проводил барышню домой и ушел, отказавшись даже от предложения зайти, которое понятно чем бы закончилось. Разочарованный. И собой, и ей, и тем, что впустую потерял столько времени. Понимая, что ни черта у нас с ней не выйдет, сколько бы я себя ни обманывал. Зашел в кабинет, чтобы налить себе выпить, да так и замер в дверях.

Лилька сидела на коленях возле моего стерео и слушала... джаз. Такая мелкая и смешная со своей морковного цвета гривой и курносый носом, сплошь усыпанном веснушками. На коленях у нее лежали еще несколько компакт-дисков, помните, такие были круглые штуки? И было в ее позе или выражении лица что-то такое, что не позволило мне окликнуть её, ровно до тех пор, пока не стихла музыка. Увидев меня, Лилька испуганно вскочила. Диски посыпались с ее колен на пол и затрещали под босыми ногами, когда она шарахнулась в сторону.

- Эй! Осторожней! Поранишься.

- Извините, Ян Львович. Я здесь сейчас все уберу. - затараторила она, а я лишь отмахнулся.

- Понравилась?

- Ч-что?

- Музыка, говорю, понравилась?

Она затрясла головой, отчего морковного цвета кудряшки подпрыгнули. Я усмехнулся.

- Тогда можешь взять послушать. Только не забудь вернуть.

Кудряшки на голове запрыгали еще с большим азартом. Я усмехнулся и помог девчонке собрать диски.

- Я правда могу их взять? - недоверчиво прошептала Лиля.

- Бери. А вот в мой кабинет больше не заходи без спросу, - напустил строгости я. Лиля отчаянно покраснела, но пообещала так больше не делать. Я отдал ей диски и думать забыл о том, что было. А сейчас, вот, почему-то вспомнил.

- Нет! На этот раз тебе не удастся меня убедить! Никаких клоповников на задворках мира. Заметь, до этого я всегда, каждый раз шла тебе навстречу. - возмущалась Сонька.

- Это когда же?

- Например, когда согласилась жить в чертовом общежитии, тогда как в нашем распоряжении был папин дом в Пало-Альто!

Это точно. Для меня оказалось полным сюрпризом решение девочек жить в общежитии. А каких головняков это их решение стоило охране - не хочу даже вспоминать.

- Ты же знаешь, как для меня важно было проникнуться атмосферой кампуса, Сонь. Если тебе так это претило...

- Да не претило мне ни черта! Это было, по крайней мере, оправдано. Жить среди единомышленников. А эта твоя работа по ночам? Как бы ты добиралась до Пало-Альто?!

- Какая еще работа? - перебил я дочку, глядя, впрочем, исключительно на Лилю.

- Да так, был у нас один проект. Который можно было довести до ума лишь на мощностях Стэнфорда. Впрочем, мы сейчас не об этом, - отмахнулась Сонька. И хоть дочь в моем присутствии чувствовала себя намного свободнее, чем Лиля, по ее поведению я сразу понял, что своим вопросом влез в нечто такое, во что меня не планировали посвящать. Ин-те-рес-но!

- Вот именно. Я вообще не пойму, о чем мы. Вот, правда. Решение уже принято.

- Принято? Ну-ну. Хотела бы я посмотреть на это. Ты же вообще не приспособлена к жизни!

- Это я-то не приспособлена? - Лиля вскинула красиво очерченные брови и даже открыла рот. А Сонька, осознав, что ей не удастся навязать подруге свое мнение и переубедить ее, снова обратилась ко мне, как к последней инстанции.

- Пап! Хоть ты ей скажи!

- Как сказала Лиля, ей не пять лет. И она может сама решать, где ей жить и как, - заявил я твердо и полез в карман за кошельком. Настроение испортилось.

Я довольно некстати вспомнил, чем все закончилось в тот раз, когда я решил, будто лучше Лили знаю, что ей нужно. И совершил ошибку. Не случись этого, я бы, может, уже давным-давно забыл об этой девочке. Но после всего, что сделал, я чувствовал себя странным образом ответственным за ее жизнь.

- Спасибо, Ян Львович, - улыбнулась Лиля.

- Предатель! - фыркнула Соня. - Я тогда тоже в город переберусь.

- Это еще зачем?

- Чтобы быть поближе к Лильке, - пожала плечами Соня.

- Вы будете видеться на работе.

- Эм... Ну, это вряд ли.

- Лиля передумала работать у меня?

- Вообще-то это я передумала, - заявила моя дочь и решительно вскинула подбородок. Лиля, напротив, склонила голову и, пробормотав что-то невнятное, съехала на самый край стула. Будто желая спрятаться. И, наверное, в этот момент мне следовало сосредоточиться на сумасбродных словах дочери, но я почему-то совершенно некстати подумал совсем о другом. Что заставило Лилю напрячься так сильно? Она же не могла меня бояться, правда? Или...

Глава 4

Я честно пыталась отговорить Соньку от этой мысли. Но спорить с наследной принцессой Гейманов было так же бессмысленно, как и требовать от урагана сбавить скорость. Все мои аргументы разбивались о непрошибаемое Сонькино упрямство.

– Кто-то должен заниматься нашей компанией, – упрячилась она, – Если ты собралась тратить время на прозябание в фирме отца...

– Ты ведь в курсе, зачем это мне!

– Угу. И знаешь что? Бред это все, Лилька. Сама подумай!

– Он оплатил мою учебу!

– И что?

– Это была его инвестиция, которая когда-нибудь должна была принести свою выгоду. Я верну ему долг и...

И... все. Я не видела своего будущего дальше этого проклятого «и»... Моей целью было доказать, что я не пустое место. Но я не представляла, что буду делать потом. Когда Гейман проникнется. Заглядывать так далеко было страшно. Очень. А что, если на этом все и закончится? И не посмотрит он на меня как-то иначе... Как я хочу, чтобы он посмотрел.

– Просто верни ему деньги. Ты ведь теперь миллионерша! – сощурилась подруга.

– Ну, во-первых, не я, а мы. А во-вторых, об этом не может идти и речи, потому что все наши денежки в обороте, и на деле я едва свожу концы с концами.

Ах да. Наверное, пришла пора рассказать о нашем с Сонькой стартапе. Тогда, четыре года назад, приехав в Стэнфорд, я не имела какого-то четкого плана. Лишь огромное желание чего-то достичь. И где еще это было делать, как не в Кремниевой долине? Где сам воздух, кажется, был пропитан идеями. Где в них по-настоящему верили. Это заряжало меня таким энтузиазмом, просто не передать! Поначалу я присматривалась. Отслеживала стартовавшие проекты и думала-думала... Как реализовать собственный потенциал?

В универе я изучала компьютерные науки и геологию. Поэтому, наверное, закономерно, что в своем стартапе я решила совместить эти два направления. И теперь спустя три года я могла без всякого кокетства сказать, что создала продукт, которому в мире не было равных. Конечно, без Соньки ничего бы у меня

не вышло. Это она поверила в мою идею, инвестировав в неё довольно большие деньги. Выступив в роли моего бизнес-ангела, как их здесь называли. Результатом наших совместных усилий стала модель геологического объекта, которая математически обрабатывала исходную информацию о нем и выдавала интерпретацию геологических данных, сокращая необходимое на это время примерно в семь раз. Это было круто само по себе. Но я имела четкое представление, что надо двигаться дальше, и приступила к созданию интеллектуального облака, в котором собиралась хранить данные, полученные в ходе самых разных исследований по всему миру, систематизировать и классифицировать их.

Надо ли говорить, что уставала я просто дико. Но никогда не останавливалась. Господи, как я хотела увидеть его глаза, когда он поймет, что я своими руками создала! Я за один только этот миг готова была положить годы каторжного труда. И я ведь никогда не верила, что это заставит его меня полюбить, но мне хватило бы и уважения. Я хотела думать, что мне бы хватило...

Погрузившись в свои мысли, я пропустила разборки Соньки с отцом и очнулась, лишь когда она меня громко окликнула.

– Лиль, ну мы идем?! На трамвайчик-то!

– Конечно, – я встала, опираясь на подлокотник, и нечаянно задела руку Яна Львовича пальцами. У меня перехватило дыхание, в груди стало горячо. Соски напряглись, и я пожалела, что не надела лифчик, хотя до этого прекрасно обходилась без него за неимением того, что в нем обычно прятали. Нет, не сказать, что я совсем была плоскогрудой – грудь у меня все же имелась, но такая... не прокачанная версия. Последняя мысль заставила меня улыбнуться, несмотря на охватившую тело дрожь.

Интересно, а какие формы предпочитал Ян Львович? Сонькина мать была дамой фигуристой. И хоть я ее совершенно не помнила (она умерла еще до того, как моя мама поступила на службу к Гейманам), я видела множество её фотографий. Мы с Сонькой частенько пересматривали их семейные фотоальбомы, будучи детьми. Теперь я понимаю, как же сильно Сонька скучала по матери. Мне это вдруг так знакомо стало, с тех пор, как совершенно неожиданно я потеряла свою.

Это случилось внезапно. Как говорится, ничего не предвещало беды. Мы как раз отметили Сонькино восемнадцатилетие и, замерев в ожидании студенческой визы, прожигали лето у бассейна. Моей матери нелегко далось решение отправить меня вместе с Соней в Стэнфорд. Это было очень накладно финансово, но за годы, что мы жили фактически на обеспечении Гейманов, на счету мамы скопилась довольно солидная сумма. Да и зарплата, которую ей платил Ян Львович, была вполне достойной. Я так радовалась, что она отпустила меня. Я так хотела поскорее уехать! Мне казалось, будто весь мир теперь у моих ног. А потом... потом мир перевернулся и обрушился мне прямо на голову.

Инсульт... Реанимация. Страшные секунды под дверью. Помню, как мне было страшно там одной. Почему-то казалось, что я одна, хотя Сонька от меня и на шаг не отходила. Помню, как потом маме стало лучше. В больницу приехал Ян Львович и убедил меня поехать домой, чтобы немного отдохнуть, потому что, ну правда, я с ног валилась. И хоть опасность, как мне тогда сказали, миновала, войдя в дом, я первым делом расплакалась. В голове будто пленку заело, и на репите повторялась одна и та же сцена – вот мы с Сонькой, хохоча, заходим в дом, чтобы пересидеть жару, а мама лежит на мраморном полу, прямо у лестницы...

Да... Я расплакалась. И плевать мне было, что обо мне подумает Гейман. Страх за маму сместил акценты. Я лишь тогда по-настоящему осознала, что у меня кроме нее никого во всем мире нет. Что я одна. По-настоящему одна во вселенной.

– Так, ну-ка, это еще что? – нахмурился Ян Львович.

О том, почему он лично со мной возился, я тогда не задумывалась. А ведь, если так разобраться, это было действительно странно. Но я была не в том состоянии, чтобы давать хоть какие-то оценки происходящему. Меня трясло, как осиновый лист, а слезы лились из глаз нескончаемым потоком. Гейман посмотрел на меня так... внимательно, это я почему-то запомнила, и повел меня за собой. Усадил на огромный кожаный диван у себя в кабинете, накрыл мои плечи пледом – система кондиционирования работала на полную мощность, и в доме было прохладно, а потом отошел куда-то. В этот момент в комнату заглянула мать Геймана. Высокая и сухая, как палка, Ада Яковлевна, но Ян Львович ей что-то сказал, и мы вновь остались одни.

– Вот, выпей, – сказал он, вручая мне в руки стакан.

Не чувствуя ничего – лишь страх за мать, за будущее и слабость во всем теле, я послушно обхватила стакан дрожащими пальцами и залпом выпила его содержимое. Захлебнулась, совершенно не готовая к тому, что будет так крепко. Коньяк пошел носом, обжигая слизистые.

– Лучше?

Я отчаянно затрясла головой. Обхватила плечи ладонями, прямо поверх пледа, но зубы все равно стучали. Гейман выругался. Вообще не выбирая выражений. Опустился рядом, нависая надо мной. И вот тут до меня с запозданием дошло: и то, как мы близко, и то, как отчаянно... до звона в ушах и остановки дыхания... мне нужен он. Нужна его поддержка.

Мое дыхание замерло, оборвалось. Я мышкой застыла у него под боком и медленно-медленно подняла ресницы, отчего-то не решаясь посмотреть в глаза, остановилась на уровне сизого от уже пробившейся щетины подбородка. Сглотнула и все же скользнула выше. И все... Все. Не знаю, как это случилось. И почему. Он первый ко мне потянулся. Наверное, все же из жалости. Укрыл пульсирующий от боли затылок своей большой ладонью. Запрокинул голову и впервые меня поцеловал.

Если бы обстоятельства нашей близости были другими, я бы, наверное, запаниковала. Нашла бы тысячи причин для того, чтобы все отсрочить и стать для него идеальной, а не такой, как я была, после суток, проведенных в реанимации. Я бы наверняка загналась по поводу элементарного душа, или стала бы прикидывать в уме, как давно я делала последнюю эпиляцию. Но в тот момент я вообще ни о чем не думала. Я терялась. В его настойчивости. Его умелых руках. Я задыхалась под тяжестью его тела и горела... горела в огне. Мне казалось, этот огонь повсюду. На кончиках его крупных пальцев, осторожно ласкающих меня между ног, на его губах, терзающих через ткань платья мои напряженные соски. В какой-то момент он поддел бретельки и стащил к локтям. И если бы обстоятельства нашей близости были другими, да, я бы, может, начала волноваться о том, как выгляжу. Но... опять же чертово но! Я будто бы потерялась. Меня не стало. Я растворилась в нем. Ничего... ничего не осталось. Лишь растерянность и страшное желание взять все, что он мне предложит. Даже если потом я это не унесу. Поэтому я лишь запрокинула голову... Позволяя смотреть на меня. Позволяя проникать внутрь. Сначала одному пальцу. Потом двум. А потом принимая уже совсем не пальцы. Топя в физической боли боль

душевную.

Он как-то сразу уловил, что я девственница. Может быть, это его и завело так сильно. Но, как бы там ни было, он совершенно определенно отдавал отчет своим действиям. Прежде чем погрузиться в меня одним плавным, но глубоким толчком, Гейман шепнул:

– Скажи, если будет больно.

Но я не сказала. Я впитывала боль в себя. Эта боль была подтверждением того, что он действительно здесь. Рядом. Тогда, когда так мне нужен.

А еще он не использовал презерватив. Хотя, думаю, люди его уровня помешаны на собственной безопасности. Может быть, это тоже была часть ритуала. И каких-то новых эмоций, что он хотел ощутить. Но опять же, тогда я не думала об этом. Я вообще ни о чем не думала. Помню только горячую сперму на животе. И как содрогались его широкие плечи под моими ладонями, когда он кончил.

– Ты в порядке?

– Д-да. Мне, наверное, нужно в душ.

К кабинету Яна Львовича примыкала ванная комната. Я попыталась встать, но меня шатало. И от произошедшего, и от усталости. Мыл меня он... А потом укутал в свой халат и уложил спать прямо на том самом диване.

Я никогда не жалела, что наш первый раз прошел вот так... Гейману я не могла простить лишь того, что, когда моя мать умерла, он не разбудил меня сразу. А может, это я себе не находила прощения... За то, что поддалась на его уговоры и уехала.

– Лилька! Ли-и-иль, а-у! Ну-ка, посмотри на меня! – ворвался в мои мысли жизнерадостный голос Соньки. Я отвела взгляд от мелькающих в окне трамвайчика Новоорлеанских красот, но посмотрела не на Соньку, а почему-то в бок. И наши взгляды с Яном Львовичем встретились. Опять.

Интересно, я когда-нибудь смогу назвать Геймана просто Яном?

Да уж, конечно, – тут же фыркнул сидящий в голове скептик. Я улыбнулась. Ян Львович чуть приподнял брови. Так Сонька нас и сфоткала. Глядящими друг на друга. Я сделала себе пометку ненавязчиво выманить у нее фото. Очень похоже, что наше первое фото с ним.

– Не устали? Предлагаю возвращаться. Завтра рано вставать.

– И ноги гудят. Что скажешь, Лиль?

– Я как все.

– Значит, возвращаемся.

К счастью, на этот раз Ян Львович сел впереди. Не знаю, как бы я выдержала его близкое присутствие после всего того, что так некстати прорвало кордоны моей памяти.

– Лилек, ты меня сегодня не жди, угу? – пробормотала Сонька, когда мы вернулись на яхту.

– Останешься в каюте Дэвида?

– Надо же напоследок насладиться друг другом, – засмеялась та.

– Ты не выглядишь расстроенной.

– Нашим расставанием? Ну, так я никому в любви не клялась. Ты же знаешь, что Дэвид – это так, не серьезно.

– Ну, топай, раз не серьезно.

– А ты? Не заскучаешь?

– А я лягу спать. И думать о тебе забуду.

- Вот и хорошо. Как бы мне еще мимо папы незаметно прокрасться? Может, ты его отвлечешь, а?

- Нет, Сонька. Только не это. Я правда собиралась спать. Или поработать.

- Так! Я не поняла - ты мне друг или сосиска?!

- Ну, что я ему скажу?

Сонька на секунду задумалась. Потом, явно что-то придумав, сверкнула золотыми глазищами и щелкнула пальцами:

- Спроси про ключи!

- Про что?

- Ты ж еще не передумала жить в своей хибаре? - я отрицательно затрясла головой. - Вот и спроси, где тебе искать от нее ключи.

Глава 5

Я как раз пытался себя убедить, что моя двадцатидвухлетняя дочурка вполне доросла до того, чтобы проводить свои ночи так, как ей заблагорассудится: хоть с парнем, который объективно, в общем-то, неплохой, хоть с двумя (это я, конечно, погорячился), когда на палубу, озираясь по сторонам, вышла Лиля. Тут не надо было обладать аналитическим складом ума, чтобы понять, кто ее подослал. И для чего... Они с Сонькой еще в детстве проворачивали этот номер, считая себя самыми умными и желая прикрыть друг друга.

- Решила напоследок поплавать?

Лиля вздрогнула и обернулась на звук моего голоса.

- Эм... Эм, нет, вообще-то. Я хотела спросить.

- Спросить?

Она подошла ближе.

- По поводу ключей от моей квартиры. Я не очень хорошо помню, куда они делись. Вы случайно не в курсе?

- Угу. Тебе повезло. Предыдущие квартиранты как раз выехали, а новых мои люди еще не нашли. - Слово в слово передал я полученную буквально только что информацию.

- Квартиранты? - изумилась Лиля, на что я лишь пожал плечами.

- Активы должны работать. Даже такие.

Лиля растерянно кивнула и, опустившись на стоящий напротив шезлонг, прошла пальцами по включенным ветром медным прядям.

- Спасибо вам. Я даже не подумала, что так можно сделать.

- Да ты вообще тогда не в себе была.

Да, определенно. Она была не в себе. Может быть, даже и сейчас не до конца оправилась. Вон, как напряглась, стоило мне только об этом заговорить. Подобрала длинные по-жеребьячи худые ноги, накрыла подолом сарафана, так что остались видны лишь пальцы с аккуратными покрытыми коралловым лаком ноготками.

Я никогда... Вообще никогда до того случая не смотрел на неё как на женщину. Понятия не имею, что тогда произошло. И почему не сработали тормоза. А впрочем, не было у меня тормозов. Их не предусмотрели конструкторы. Ведь и мысли не возникло сдержать себя - настолько я привык получать все, что хочется. Даже если это сиюминутный порыв. Что уж говорить о таком искушении, как Лиля?

Почему я это сделал? Потому что привык брать. Потому что никогда не сталкивался с отказом, ведь что бы вам и кто ни говорил, таким людям, как я, не отказывают. Никогда. Ни под каким предлогом. Лиля была права, когда сказала это, кажется, тысячу лет назад.

Те ее слова, брошенные даже не мне, заставили меня крепко задуматься. Осознав, до чего докатился, я здорово пересмотрел свои взгляды на жизнь. До нее я не понимал, как сильно меня развратила власть. Тогда я просто брал то, что хочется. А в тот момент мои желания были вполне конкретными.

Нет, сначала, конечно, я просто хотел утешить девчонку. Но стоило коснуться ее, ощутить под собой, и акценты мгновенно сместились. Взыграла кобелиная сущность. И так захотелось ее чистоты и неиспорченности. Никогда не думал, что меня может взбудоражить мысль о том, чтобы стать для кого-то первым. Но это был чистый кайф. Ощущать ее, целовать, гладить, трогать... Я не мог остановиться, хотя никогда до этого не был особенно тактильным в сексе. Мне было хорошо. Слишком хорошо.

Я даже решил, что у этого вполне могло бы быть продолжение. А почему бы и нет? Если так разобраться, Лилля была для меня неплохим вариантом, несмотря на свою молодость. К удивлению, у нас с ней было довольно много общего. Только я никогда об этом не думал. А вот когда она подо мной оказалась, пришлось. И ведь она все-все обо мне знала: и о моей жизни, и о правилах, которым приходилось следовать членам моей семьи. Она привыкла к ежесекундному присутствию охраны, и такая жизнь, жизнь в золотой клетке, не стала бы для нее проблемой, потому что только так она и жила. Словом, это могло бы иметь продолжение, да... Если бы не один разговор, который я услышал случайно.

- Вы мне очень помогли. Спасибо, - ворвался в воспоминания тихий голос.

- Ага. Помог, - хмыкнул я.

Настроение отчего-то стало совсем дерьмовым. Хотя, казалось бы, с чего? Вокруг красота, и луна почти полная - сиди себе, кайфуй, потому что уже завтра опять не до этого будет.

- Ну, я тогда пойду?

– Иди. Сонька ведь уже проскочила.

Мне показалось в сумраке, или Лиля действительно улыбнулась? Смешно ей, значит? Вот как?

– Я знала, что это мимо вас не пройдет, но вы же знаете Соню.

– Да уж.

– Ну, и поскольку в этом нет ничего такого.

– Считаешь?

Лиля осеклась. Покрутила дешевый браслет на запястье. А потом опять... ну, ведь точно!.. улыбнулась.

– Ада Яковлевна утверждает, что годы, любовники и бокалы вина – это то, чему не стоит вести счет.

– Моя мать просто выжила из ума! – рявкнул, отчего-то взбесившись. А Лиля... то ли опять испугалась, то ли хрен его знает, что – лишь развела руками.

– Ох, уже совсем поздно. Я, наверное, пойду. – и пошла ведь, но, что-то вспомнив, остановилась, хлопнула себя по лбу: – Так ведь и не выяснила, у кого мне забрать ключи.

– Кто-нибудь привезет их прямо к трапу. И деньги.

– Какие деньги?

– Арендную плату за эти годы. Сумма там довольно приличная.

– Оу, ладно. Спасибо большое.

Кивнул. Потому что мне ее спасибо... после того чертового разговора до сих пор костью в горле ощущалось. А ведь я думал, что все давно позади. И вообще не вспоминал о том, что было. А тут здрасте-пожалуйста, чудеса. Нет, надо с этим заканчивать. Свой долг, если такой был, я перед Лилей закрыл. Все. Хватит. Я резко опустил стакан на деревянный столик и тоже встал с четкой уверенностью, что ставлю точку. А потом какого-то хрена бросил Лиле в спину:

– А ты, значит, тоже не ведешь счет?

Она замерла. Хрупкие плечи окаменели. А я поморщился и даже как-то пожалел, что сам себе не могу врезать. Ну, мало ли? Может, мозги бы встали на место. Вот же идиот!

– Вы сейчас о бокалах, Ян Львович? Или, может, о годах? – поинтересовалась Лиля и ушла неторопливо ступая, оставляя меня наедине со своим дерьмом.

А девочка зубы отрастила. Надо же. Я провел по макушке и улыбнулся, как если бы для этого был хоть какой-нибудь повод.

Я выбросил ее из головы усилием воли. Заставил себя поработать, потому что как раз просыпались рынки, и улегся ближе к утру, уверенный, что оставшихся четырех часов до подъема мне с лихвой хватит, чтобы выспаться.

Потом мы с Лилей и не виделись толком. Она позавтракала, когда я вновь засел за работу, и в следующий раз мы встретились лишь возле машины, которая должна была отвезти нас в аэропорт. Но и там я сделал все, чтобы свести к минимуму наше общение. Ни к чему оно было.

Перелет прошел продуктивно. Я, наконец, добрался до проектов, которые давно хотел посмотреть. В последнее время меня все больше напрягала складывающаяся в стране ситуация. Вести дела в условиях, когда все настолько зыбко, что не знаешь, что тебе сулит новый день, было довольно опасно и геморройно. Поэтому я искал возможности подстраховаться. Вывести капитал. Вложиться в какую-то новую сферу, которая была бы не связана с природными ресурсами либо промышленностью. В этом смысле меня очень интересовали проекты ребят из Кремниевой долины. Я даже создал свой венчурный фонд и вложил в несколько стартапов. Три из них оказались провальными, но четвертый – более чем окупил все мои вложения. И теперь я находился в поиске

новых, требующих поддержки, проектов. Особенно меня интересовал один проект в сфере геологии. Но там что-то непонятное с ним происходило... Я никак не мог выйти на автора.

- Дамы и господа, наш самолет совершит посадку через двадцать минут. Просим вас пристегнуть ремни.

Я отложил очки, растер переносицу и опустил крышку ноутбука. Когда я выглянул из кабинета, девчонки послушно пристегивались, расположившись в двух креслах в отдельной зоне у иллюминаторов. Лилька приникла носом к окну, хотя ничего не могла разглядеть там, под облаками.

- Соскучилась по родине? - спросил зачем-то, хотя вроде не собирался спрашивать. И вообще не хотел больше с ней говорить.

- Да. Наверное, да.

- Еще бы! Ты четыре года сюда носа не совала.

- Перелет дорогой, - пожала плечами Лиля, - да и времени не было.

Интересно даже, чем же таким она занималась? А, впрочем, какое мне дело?

Посадка была мягкой. У трапа нас уже поджидала пара машин. Мой Майбах и невзрачная, но полностью переоснащенная машина охраны. Ребята в ней должны были сменить тех, что вернулись с нами из Америки.

На родной земле воняло гудроном и только-только скошенной на близлежащих полях травой, пожухшей к августу и прибитой пылью. Я сошел с трапа и двинулся напрямик к машине. Хотел уже скрыться в прохладе салона, как уловил какую-то суету за спиной.

- В чем дело?

- Лилька собралась ехать автобусом, - закатила глаза Соня. Я перевел взгляд на Лилю, которая никак не могла уложить чемодан на чемодан, чтобы как-то с ними справиться самостоятельно.

- Садись в машину.

- Но...

- Садись в машину. Это – режимный объект. Ты что думаешь, тебя вот так запросто отсюда выпустят напрямиком к автобусной остановке?

- Еще ж контроли, Лиль, – вставила свои пять копеек Соня.

Вот именно! Контроли. VIP-контроли, но все же их надо пройти!

- Извините, – стушевдалась девчонка, отдавая ручку чемодана охраннику. – Что-то я совсем одичала.

- Вот именно! Садись уж. Такая жара!

Пограничный и таможенный контроль мы прошли быстро. Вернулись в машины и выехали с территории по специальному проезду, примыкающему сразу к скоростной трассе. Наверное, где-то здесь были автобусные остановки, но кем бы я был, если бы высадил там Лилю вместе с ее баулами? Да и не положены были такие остановки по инструкции. Безопасность, чтоб её!

К счастью, девочке хватило ума больше не спорить. Я открыл телефон, просмотрел биржевые сводки, сделал пару звонков. Сонька с Лилей тихонечко переговаривались, чтобы мне не мешать, и смотрели в окно.

- Всего четыре года, а все так изменилось, – растерянно качала головой Лиля.

Эти слова привлекли мое внимание. Я тоже осмотрелся.

- Юр, мы где?

- Подъезжаем к дому Лили.

Еще через пару минут машина остановилась. Лиля обнялась с Сонькой, как будто они с ней прощались навек, а мне бросила эти ненавистные:

– Спасибо. – А еще зачем-то добавила: – Я взяла неделю на обустройство. А потом выхожу на работу. В отдел инноваций.

Ну, до этого мне точно дела не было. Я чувствовал себя как-то странно. Будто, наконец, переворачиваю до нелепого растянувшуюся страницу своей жизни. Закрываю раз и навсегда по глупости открытый когда-то вопрос.

– У меня есть одна идея, которая могла бы быть вам интересной...

– Угу. Ты там начальству обо всем расскажи. Мне донесут.

Лиля сдвинула брови. Открыла рот, будто что-то хотела сказать, но лишь качнула головой и снова улыбнулась... Соньке.

– Юр, попроси кого-нибудь помочь донести багаж. Вот ключ.

Лиля ушла, а я заставил себя поставить на этом точку. Вновь уткнулся в телефон, нетерпеливо постукивая пальцами по дверной ручке. Юра почему-то задерживался... Я уже несколько раз успел свериться с часами, когда дверь подъезда открылась.

– Ян Львович, – окликнул меня водитель.

– М-м-м?

– Не знаю, стоит ли говорить... В конце концов, Лиля решила, что это не проблема, но...

– Но? – вздернул бровь, удивленный такой странной реакцией.

– Но там, в квартире, настоящий бардак.

– В каком смысле?

– Да в прямом, Ян Львович. Не представляю, что за свиньи там жили. Но после себя они оставили свинарник.

Я завис. Растер бровь пальцем. В открытую дверь врывалась удушающая жара, а я все медлил.

- Ты слышишь, па?! Надо забрать Лильку оттуда! Я сразу сказала, что идейка пожить здесь – дерьмо.

- Лилю все устроило? – отмахнувшись от Соньки, поинтересовался я у охранника.

- Ну, да. – оторопел тот.

- Тогда я не понимаю, почему мы все еще здесь?

Водитель меня понял сразу и, недолго думая, вернулся за руль. А вот дочь...

- Ты это серьезно, я не пойму? Так там ее и бросишь?!

- Она не щенок, София, чтобы ее бросать. Это ее выбор. Нам остается принять его. Потому что она сама так захотела. Я ничего не упустил?

- Юр, остановись! Я здесь выйду, – Сонька обдала меня взглядом, полным ярости, и на ходу взялась дергать ручку.

- Угомонись.

- Но...

- Я все сказал! Мы едем домой. И точка.

Глава 6

Кортеж Геймана скрылся за поворотом, а я без сил опустилась на покрытый грязью подоконник и еще раз внимательно осмотрелась. Картина, открывающаяся моим глазам, была печальной. Повсюду царила грязь. Наш с

мамой дом больше напоминал свалку. Неудивительно, что люди Яна Львовича не нашли новых арендаторов. Довольно неплохие обои были кусками сорваны, шторы куда-то подевались, а цвет солидного кухонного гарнитура сейчас было не разглядеть под толстым слоем покрывающего шкафчики жира. А еще запах. Удушающе мерзкий запах. Курева, давно непроветриваемого помещения и... кошачьей мочи?

– Довыпендривалась, – пробормотала я, с опаской косясь на сплошь покрытый пятнами стул, этимологию происхождения которых я уж точно не хотела бы знать.

Ну, вот и зачем я заупрямилась? Чего добилась? Вряд ли бы Ян Львович оставил меня здесь, если бы я попросила его о помощи. Но вместо этого я понадеялась, что просить его не придется. Что он сам, подобно сказочному принцу, поднимется в мою темницу и вызволит меня из заточения. Но не случилось. Да и глупо было на это рассчитывать. Даже раньше я себе такого не позволяла. Так что же изменилось? – спросите вы. А черт его знает. На секунду я решила, что многое! Он ведь тоже никогда раньше не интересовался числом моих любовников. А тут вдруг стал. И потому... потому я подумала, что, может быть, ему тоже не все равно. На меня.

Ну, не дура ли?

– Дура! – вслух ответила на свой же вопрос и улыбнулась. Да-да, улыбнулась. Ведь ничего нового не случилось. И драмы не произошло. Так, лишь досадное напоминание о том, кто есть кто. А то и правда куда-то понесло меня.

Я глубоко вздохнула и буквально захлебнулась вонью. Вскочила с подоконника, открыла окно, ругая себя, что только зря трачу время. Прошла по комнатам, и там открывая окна. Надеюсь, что сквозняк хоть немного выветрит неприятные запахи. Надо же было с чего-то начинать. А ведь и правда, когда раскаленный воздух проник в квартиру, стало немного легче. Я достала телефон, чтобы погуглить ближайший магазин, и только тут поняла, что фактически осталась без связи. Местную симку я купить не успела, а надеяться на то, что в квартире подключен интернет, было глупо. И все это, конечно, можно было поправить, вот только я понятия не имела, с чего начать. О самостоятельной жизни в родной стране я ничего не знала. Тут Сонька была права. Хорошо, что на моем счету имелись кое-какие деньги. Даже американской картой можно было оплатить самые необходимые покупки. Чистящие средства, дезинфектор, надувной

матрас – потому что ничто бы не заставило меня спать на кровати, после этих свиней. А еще комплект постельного, полотенце и туалетные принадлежности.

Следующий час я посвятила покупкам. Довольно большой сетевой гипермаркет оказался всего в двух шагах от дома. Еще два часа я выносила на помойку мусор. Куски обоев, тряпки, в которые превратилось когда-то красивое постельное белье, и барахло, оставленное в шкафах. Моя активность вызвала повышенный интерес у соседей. Я не слишком их помнила, а вот они, оказывается, обо мне никогда не забывали. Особенно пожилая бабулька из квартиры за стенкой.

– Ты Лилька? Аннушкина дочь? – подслеповато сощурилась она, когда я вновь вышла из квартиры. На этот раз – чтобы отнести к мусорным бакам тяжеленный матрац.

– Ага. Это я. А вы...

– Тамара Семеновна. Ты к нам как? Навсегда?

– Пока план такой.

– В квартире шуметь планируешь?

Тяжеленный матрац поддавался с трудом. Тогда я решила, что будет проще просто столкнуть его вниз по ступенькам.

– Нет, не планирую, Тамара Семеновна. У меня работа важная. Не до веселья.

– Смотри! А то жили тут одни... Никакого покоя от них не было.

Матрас упал. Я сбегала за ним следом и, столкнув его еще на один пролет, пропыхтела:

– Вижу, что были. Но теперь будет тихо. Обещаю.

То ли от напряжения, то ли от голода у меня резко потемнело в глазах. Я ухватилась за перила, пережидая, пока пройдет головокружение.

- Да тебе плохо, никак?

- Жарко, - пробормотала я, стирая плечом капли пота со лба.

- Еще и голодная, небось.

- И это тоже.

Мне нравилось вот так болтать. Вспоминать родную речь, интонации, от которых успела отвыкнуть. А может, я просто оттягивала необходимость возвращаться на раскаленную улицу, ведь в подъезде царили довольно приятная прохлада и свежесть.

- Как отопрешь эту бандуру на свалку - приходи. Я борща наварила - густющий, пальчики оближешь.

Поначалу я, конечно, хотела отказаться. Ну, во-первых, как-то не привыкла я ходить в гости к незнакомым людям, а во-вторых, работы у меня было по горло. Но из квартиры Тамары Семеновны и впрямь доносился такой одуряюще вкусный аромат, что я не устояла. И, как выяснилось, не зря. Бабулька оказалась просто кладезем полезной информации. Она снабдила меня телефонными номерами управляющей конторы, интернет-провайдера и даже рассказала, как избавиться от кошачьей вони. Конечно, это была не та тема, которую я бы по доброй воле стала обсуждать за ужином, но я так чудовищно проголодалась, а борщ был таким вкусным, что даже она не испортила мне аппетит.

- Ждешь кого-то? - неожиданно спросила Тамара Семеновна, пока я раздумывала, как бы потактичнее попросить добавки.

- Нет, - покачала я головой, а у самой сердце в груди подпрыгнуло и заколотилось в горле.

- Тебе в дверь звонят. Слышишь?

Медленно отложив ложку, я приникла к окну. Черного цвета мерседес выделался на фоне других припаркованных машин, как ворон среди канареек. Красивая машина. Но не Яна Львовича...

- Это, наверное, моя подруга.

Я помчалась к выходу. Стоптав задники, сунула ноги в кеды и дернула замок. Распахнула дверь и уж совсем неожиданно едва не налетела на Аду Яковлевну. Сонька пришла не одна, а с бабушкой.

- Здравствуйте... Соня... Ада Яковлевна.

- Вы Лилькины родственники? - тут же отодвинула меня в сторону Тамара Семеновна, отчего в тесном лестничном пролете стало совсем уж не протолкнуться.

- А если так? - вздернула бровь Ада Яковлевна. То есть, наверное, бровь должна была вздернуться, но от бесконечной пластики, которой эта женщина злоупотребляла в погоне за вечной молодостью, что-то пошло не так.

- Помощь ей нужна. Разве не видите?

- Все нормально, - стушевалась я. Черные глаза Ады Яковлевны прошлись по мне двумя лазерами и замерли на соседке.

- Да ничего там не нормально! Ба! Скажи что-нибудь! - встряла в разговор Сонька.

- Не хочешь впустить нас в дом?

Ну, и что мне было делать? Конечно, я ихпустила. Соньку тут же чуть инфаркт не хватил, а ведь сейчас здесь было намного лучше, чем когда я вошла сюда в первый раз. Она скомандовала мне собирать вещи, но я, сделав вид, что оглохла, тенью скользнула за Адой Яковлевной, которая, брезгливо поджав губы, комната за комнатой обходила мои владения.

Ада Яковлевна была единственным во всем мире человеком, который знал, что произошло между мной и ее сыном... Я как сейчас помню тот разговор, что у нас случился. Со дня похорон прошло несколько дней, и... все повторилось. Мое отчаяние. Его сильные руки... Жар поцелуев, мощь его стремительных движений во мне, от которых кровать под нами ходила ходуном. И он, чертыхаясь,

упирался одной рукой в изголовье, а другой направлял мои бедра, снова и снова нанизывая меня на себя.

– Не знала, что ты такая дурочка, Лилька! – раздался сварливый прокуренный голос за спиной. Время было позднее, поэтому я не ожидала кого-то встретить в кухне, куда спустилась попить.

– Ада Яковлевна? – изумилась я скорее присутствию этой женщины в комнате, чем ее словам. А та продолжала:

– Ну ладно, он... кобель... С них-то что взять, с мужиков-то?! Но ты-то! Ты! Он тебя пальцем поманил, а ты сразу – бах, и на спину? А гордость? А женская мудрость где? Думаешь, ты его тем, что между ног, удержишь?!

А я не думала так. И вообще меня наш разговор смущал просто до ужаса. Впрочем, кого бы он не смутил?

– Ты так хотела? Трам-бам-спасибо, мадам?! – наседала и наседала Ада Яковлевна.

– Нет! Не так! – впервые повысила голос я, а потом шепотом добавила: – Не так.

– Тогда почему не послала его подальше?! – подперла тощие бедра та. – Забоялась, что он пинка под зад тебе даст, и никакого Стэнфорда не будет?

Нет! Нет... Какой Стэнфорд, господи?! Это же на другом конце океана. Там... вдали от него. При чем здесь Стэнфорд? И почему она так плохо думает о своем сыне?! Не стал бы он мне руки выкручивать! А почему я согласилась...

– Не знаю, – шепнула я. – Разве таким мужчинам отказывают? Разве... у женщины остается выбор, когда такой мужчина проявляет к ней интерес?

Ада Яковлевна тяжело вздохнула. Растерла устало лицо, сдавила узловатыми сплошь униженными кольцами пальцами переносицу. И разочарованно пробормотала:

– Вот знала я, что твое обожание щенячье до добра не доведет.

Ну, она, может, и знала. Все же умная женщина, опытная. А вот я... Я в тот момент ничего не знала. И ни в чем не была уверена. Никогда еще я не чувствовала себя такой неуверенной. Я, что же, его люблю? Да нет... Не могла я быть такой глупой. А если – нет, тогда как назвать то, что между нами с Гейманом происходило? И чего ждать дальше?

– Лилька! Да очнись же! Говорю, едем домой! – стояла на своем Соня. Я распахнула задумчиво прикрытые глаза и уставилась на подругу.

– Я уже дома, Сонь. Давай мы остановимся на этом.

– Завтра же пришлю бригаду строителей. Здесь все нужно... вообще-то это все нужно сжечь, но, может, они что-то придумают.

– Спасибо, Ада Яковлевна, но я справлюсь сама.

Сонька взвыла. Её бабка сощурилась, будто прикидывая в уме, насколько я тверда в своем решении.

– Здесь не обойтись без ремонта и специальной техники. Той штуки, помнишь, Сонь, которая чистит паром?

– Я что-нибудь придумаю.

– Почему ты не хочешь принять нашу помощь?

Я покосилась на внимательно за мной наблюдающую Аду Яковлевну и поняла, что для меня это дело принципа. Доказать, в том числе и ей, свою решимость и самостоятельность.

– Ты можешь мне помочь. Например, отдраить ванную. Или... переклеить обои.

– Для начала их не мешает сорвать, – фыркнула Ада Яковлевна, как будто была как минимум продвинутым маляром-штукатуром. Затем еще раз прошлась, внимательно разглядывая стены.

– Какая же здесь грязь! Я запачкала свои брюки.

– Вряд ли их что-то могло испортить, – подала голос Тамара Семеновна, о которой мы все успели благополучно забыть. Глаза Ады Яковлевны превратились совсем уж в щелочки, когда она посмотрела на мою соседку. На месте той я бы испугалась, но Тамаре Семеновне, похоже, все было нипочем, потому что на замечание Ады Яковлевны о том, что это костюм от Вивьен Вествуд, та бесстрастно ответила:

– Ну, так вот верните его хозяйке, может, ей он больше пойдет. Хотя это, конечно, вряд ли.

Ада Яковлевна застыла. Сонька хрюкнула. Закусила губу, но, не выдержав, взорвала повисшую в комнате тишину приступом оглушительно-громкого хохота.

– Мы уезжаем, – заметила тихо старая Гейман, когда к ней вернулся дар речи. – Но завтра вернемся. Со всеми нужными... со всем, что нам может понадобиться, чтобы привести эту... это... помещение в божеский вид.

Я кивнула и проводила неожиданных гостей восвояси. Признаться, не слишком рассчитывая на их помощь. Но Ада Яковлевна сумела меня в очередной раз удивить. Она прибыла точно в восемь. В сопровождении зевающей явно не выпавшейся Соньки и еще трех человек, в которых я узнала своих давнишних знакомых. Личную горничную, водителя и охранника Ады Яковлевны, которые тащили вслед за собой устрашающего вида пылесосы, какие-то скребки и ведра. А уже полчаса спустя я наблюдала удивительную сюрреалистическую картину. Мать и дочь Геймана батрачили в моей квартире наравне с прислугой. Это было настолько... нереально, что я то и дело отвлекалась от своей работы, зависнув на том, что делали они, и попросту теряла время.

А потом в дверь опять позвонили...

Я вспомнил, что забыл отдать Лиле деньги, только ночью. Когда, вернувшись домой после привычно затянувшегося рабочего дня, снял костюм и, прежде чем отдать его в чистку – проверил карманы. А там небольшой конверт. С пластиковой картой и договором на банковское обслуживание. Я выругался и раздраженно постучал конвертом по голому бедру. Не любил я, когда что-то шло не по плану. Тем более, когда я для себя все решил. А впрочем... нашел тоже проблему. Как будто этот конверт нельзя через Соньку передать! Рассудив так, я вновь выбросил из головы ненужное. Переоделся в спортивное и спустился в зал потренироваться. В последнее время тренировки давались мне с трудом. То ли старел я, то ли разленился...

– Привет. Ну что? С чего начнем? Заржавел я в отпуске... Зажрался, – усмехнулся я и протянул руку еще одному парню из охраны – Саше.

– Да не сказал бы. По-моему, вы, Ян Львович, напротив, похудели что-то.

С недавних пор меня так полоскало, что мог и похудеть. Желудок ни к черту. Да кто ж об этом вслух говорит? Я демонстративно окинул себя взглядом в огромном зеркале, которое занимало всю противоположную от окна стену, и пожал плечами:

– Мне не повредит сбросить пару килограмм. Мать меня иначе, как бугаем, не величает. Как она, кстати?

– В добром здравии. Сегодня даже в город выезжала. Вместе с Соней.

Еще бы не в добром. Моя мать нас всех переживет. В добром здравии и очередном костюмчике от кутюр, вестимо. Надо бы как-нибудь вернуться пораньше и поболтать. А то ведь уже и забыл, когда мы в последний раз мы с ней говорили. Неспешно. О каких-нибудь глупостях. Или о музыке, например. Любовь к джазу – это во мне от матери.

Обычно спорт здорово прочищал мозги. А в этот раз я мог думать лишь о том, чтобы добить время тренировки и не сдохнуть. Устал... Очень устал. Едва до кровати доплелся. А утром... проспал! Вот так впервые меня подвели биологические часы, вмонтированные в подкорку.

Собирался впопыхах. Не понравилось. Спустился в кухню, чтобы на дорожку хоть чашку кофе выпить, а там никого. Лишь экономка хлопочет, разбирая посуду.

– Доброе утро. Чашку кофе, и все...

– Одну минуту, Ян Львович... – тут же принялась выполнять поручение Зоя Степановна.

– Мать, что, еще не спускалась?

– О, нет! Ада Яковлевна в сопровождении Софии уже уехали по делам.

Я сверился с часами. Вздернул брови. Интересно, что за дела у них в такую рань? Додумать мысль не успел, потому что зазвонил телефон. И я залип на разговоре с одним из своих помощников. О конверте вспомнил в последний момент. Вернулся. Раз уж через Соньку его не удалось передать, придется послать курьера. Негоже это, что Лиля без денег совсем осталась. Отдать – и забыть. Все просто.

Дела закрутили. Офис, встречи, бесконечные переговоры, совещания и рутина. Я все чаще ловил себя на мысли, что мне это все не интересно. Денег я заработал столько, что хватило бы на тысячи жизней. Конкуренентов тоже обошел, переиграл. Вписал свое имя жирным в давно утверждённый сценарий глобального распределения прибыли и ресурсов. И в какой-то момент утратил к этому всему азарт. Надоело лишь брать. Я понимал, что, отдавая, получу на выходе что-то намного более значимое. В моей голове уже давно сформировалась мысль, что я предпочел бы работать на большую победу в будущем, а не на кэш сейчас.

О том, что так никому и не поручил отвезти Лиле конверт, вспомнил ближе к обеду. Не то, что я не понимал, почему так. Скорее мне это просто не нравилось. Оно со вчерашнего дня внутри зудело. То, что я оставил ее там. И ведь по уму поступил я правильно. А вот ведь, как интересно получалось...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Конц – концерт (сленг).

2

Пичнуть – провести презентацию.

3

Стартап – это тип бизнеса, направленный на получение дохода путем реализации принципиально новой идеи.

Купить: https://tellnovel.me/ru/reznik_yuliya/ot-zemli-do-рая

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)